

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ АДАПТАЦИИ ТЕКСТА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕТОПИСИ В ХРОНИКЕ БЫХОВЦА

Н. А. МОРОЗОВА

Хроника Быховца (в дальнейшем — ХрБ) — один из наиболее интересных памятников белорусско-литовского летописания; в классификациях белорусско-литовских летописей ХрБ стоит обособленно и считается Полным сводом [Улащик, 1985, с. 23, 28].

До 1830 г. рукопись хроники находилась в имении Могилевцы Гродненской губернии, принадлежавшем помещику Александру Быховцу (отсюда название хроники), где ее обнаружил учитель Виленской гимназии И. Климашевский. И. Климашевский успел опубликовать только один фрагмент хроники, содержащий описание убийства великого князя Сигизмунда Кайстутьевича в 1440 г. [1830, с. 93—102]. Полное издание текста хроники осуществил Т. Нарбут [1846]. Вскоре после публикации рукопись исчезла [Улащик, 1985, с. 67]. На обороте последнего листа хроники написано по-польски: „Kronika Litewska z języka ruskiego na polski przetłumaczona“, хотя текст представляет собой не перевод, а лишь передачу польской графикой старобелорусского кириллического текста. Следовательно, список, который оказался у Т. Нарбута, — это копия хроники, некогда написанной кириллицей. Из палеографического описания рукописи, оставленного Т. Нарбутом [Narbutt, 1836, с. 578—579; 1846, в. 1—11], следует, что хроника была переписана латиницей в XVII в. М. Ючас, опираясь на работу Лауцловича, считает, что рукопись ХрБ была переписана в начале XVIII в. на бумаге прусского производства [Ючас, 1973, с. 221].

ХрБ, как любое произведение этого жанра литературы, не является полностью оригинальным произведением, а состоит из двух больших частей: одна часть переписана с некоторыми изменениями и уточнениями из уже ранее существовавших летописей, а другая написана самим автором.

В научно-исследовательской литературе, посвященной ХрБ, утвердилось мнение о том, что одним из источников хроники является южно-русский летописный свод, близкий к Ипатьевской летописи (в дальнейшем — ИпЛ) [1971, р. 34; Улащик, 1985, с. 98—99 и др.]. Н. Н. Улащик отметил некоторые наиболее очевидные случаи лингвистической обработки текста древнерусской летописи [1966, с. 17].

Текстологический анализ летописного отрывка ХрБ и соответствующей части Ипатьевского списка ИпЛ показывает параллелизм сопостав-

ляемых текстов, проявляющийся в: а) общности содержания; б) последовательности изложения; в) низком уровне синтаксического строения предложений. Исходя из вышеизложенного, полагаем, что сопоставление соответствующих частей ХрБ и ИнЛ и последующий анализ являются обоснованным и вполне допустимым.

Цель статьи состоит в том, чтобы описать изменения, внесенные в текст древнерусской летописи, и установить общие закономерности его передачи в ХрБ с учетом как языковых, так и стилистических особенностей летописного отрывка, а также показать, что анализируемый текст является стилистически маркированным по отношению ко всему тексту ХрБ. ХрБ предоставляет уникальную возможность проследить механизмы генетической преемственности двух литературно-письменных языков средневековья — древнерусского языка и „русской мовы“, определить вклад древнерусской литературно-письменной традиции в формирование особенностей „русской мовы“ и, наконец, понять отношение книжников Великого княжества Литовского (далее: ВКЛ) к древнерусскому языку в целом.

Текстологический анализ соответствующих отрывков ХрБ и ИнЛ показал, что автор ХрБ не механически переписывал источник, а сознательно обрабатывал его. Он строго следовал намеченной цели — создать краткую историю ВКЛ, которая должна показать величие и мощь этого государства, и поэтому опускал те места ИнЛ, которые: а) не имели непосредственного отношения к ВКЛ или касались его очень отдаленно; отсутствие таких отрывков не влияло на полноту изложения исторического материала в хронике; б) принимали величие ВКЛ и показывали его в нежелательном для правящей верхушки свете (поражение литовского войска в 1262 г.).

Обработка исходного текста древнерусской летописи не ограничивалась только редактированием ее содержания. Язык оригинальной части ХрБ значительно отличался от языка древнерусского свода. Следовательно, для читателей древнерусский язык был чужим и трудным; поэтому автор ХрБ не мог перенести в хронику древнерусский текст без каких-либо изменений его языкового строя.

Текстологическое сопоставление оригинального летописного текста и соответствующего отрывка из ХрБ показало, что адаптировались все уровни языка оригинала.

Фонетическая адаптация древнерусского текста сводится к следующим моментам: 1) начальное [y] древнерусского текста передается с помощью буквы [в]/[w]: [ɔy] боявѣа ~ [w] boiawisia, [oy] мысливъ ~ [w] mysliw, [oy] него ~ [w] neho; 2) церковнославянское и древнерусское [ц] и [ч] заменяется польским [ц]/[с]: обе [ц]ашѣ ~ obie [c] aiisia, си[ч]е ~ si [c] e; 3) полногласные формы заменены неполногласными: [c]ere] брєныи ~ s[re] brny, в[ere] ма ~ w[re] mia. Старославянские неполногласные сочетания сохраняются: з[ла]та ~ z[la] ta, г[са]дѣ ~ h[ra] d; 4) [p'] часто, но не систематически передается с помощью [p]/[r]: дво[p'] ѡбѣ ~ dwof[ra]nia, се[p']ebra ~ s[r]ebra; 5) довольно часто, но не систематически [ѣ] древнерусского текста пере-

дается с помощью [и]/[i]: б[ѣ] ~ b[i], им[ѣ]ють ~ im[i]jut. Возмо- жна передача [ѣ] ~ [e]/[e]: л[ѣ]то ~ l[e]to, л[ѣ]сь ~ l[e]s. В тексте встре- чаются слова, в которых в одном случае [ѣ] передается знаком [и]/[i], в другом – [e]/[e]: т[ѣ] – леса ~ t[i]fo, но т[ѣ]ло ~ t[e]lo; кр[ѣ]сть- яньствѣ ~ chr[y]styanst.ve, но кр[ѣ]щень ~ kr[e]szczen; 6) ХрБ отра- жает переход [e] в [o] в безударном положении, что характерно для западнорусских говоров: ч[e]тыри ~ cz[o]tyry.

Морфологическая адаптация древнерусского текста автором ХрБ наиболее наглядно представлена при передаче им глагольных форм. Атрибутивные формы глагола подверглись наименьшим изменениям: 1) изменение формы дв. ч. причастий на форму мн. ч.: пославш-има ~ posławsz-ym, послушавш-има ~ posłuszawsz-ym; 2) собственно древ- нерусская форма Д. п. ед. ч. -оу под влиянием польского языка заменена на -оу/-еми: пославш-оуоу ~ posławsz-emu; 3) замена скло- няемых форм причастий, употребляемых в „двепричастной“ функции – второстепенного сказуемого с обстоятельственным значением – уни- фицированной формой на -чи/-czy: хотѣ ~ chotiaczy, рекыи ~ potwłia- czu (во втором примере видим не только морфологическое, но и лек- сическое изменение). Спрягаемые формы глагола характеризуются следующими заменами: 1) церковнославянская форма 2 л. ед. ч. на- стоящего и будущего простого времени на -ши последовательно заме- нена редуцированной формой -шь/-sz: оубье-ши ~ ubie-sz, може-ши ~ moze-sz, приме-ши ~ rpute-sz; 2) формы 3 л. ед. и мн. ч. настоящего и будущего простого времен характеризуются твердым конечным -т/-t: имѣю-ть ~ imiju-t, привле-ть ~ route-t; 3) древнерусские глагольные формы прошедших времен автор ХрБ обычно, но не последовательно заменяет одной универсальной формой – формой претерита: посла ~ posłał, выгна ~ wyznał, исполни-ша ~ uşpólnił и др. Анализ функциониро- вания в летописном отрывке ХрБ форм претерита свидетельствует о том, что в большинстве случаев эта форма употребляется тогда, когда в предложении есть подлежащее, указывающее на лицо; при этом заме- ны форм прошедшего времени особенно показательны в тех случаях, когда остальной текст сохраняется, например: ИпЛ „Миндовѣ ... вниде во град именемъ Бороута и в.ы.слѣ шурина своего“ [1962, с. 818] ~ ХрБ „Mindowh wynide wo hrad imenem Boruta i wysłał szuryna swojeho“ [1907, с. 483]; ИпЛ „Потом же Данило сгада с братомъ си и по сла в ЛАхы ко князюмъ ЛАдьскымъ река ...“ [1692, с. 815] ~ ХрБ „Potom ze Danilo zdumat z bratom swoim, y posłali w Lachi ko knia- zem Ladekim reka...“ [1907, с. 482]. Однако автор ХрБ непоследователь- но заменяет древнерусские глагольные формы прошедшего времени формами претерита, ср.: ИпЛ „Лѣхове же о бѣ ца шѣ нь нѣ исп ол- ни ша ... и Вікынтъ же оубѣди я серебромъ и дарми многими“ [1962, с. 816] ~ ХрБ „Lachowe ze obcalisia dane uspolnił y Wyskint że u d a r y ich srebrom y daini mnogimi“ [1907, с. 482]. Как видим, в одном и том же предложении в ХрБ сосуществуют формы аориста и претерита при только аористных формах в ИпЛ. Оче-

видно, „старые“ формы прошедшего времени оставались для книжника ВкЛ маркированным признаком высокого книжного стиля, но использование наряду с ними форм претерита допускалось литературной нормой.

Изменения, внесенные автором ХрБ в парадигму склонения имен существительных, сводятся к следующим моментам: 1) древнерусская форма В. п. мн. ч. -ѣ в ХрБ последовательно заменена вариантной формой -и (-ы) / -и(-у); (во) черньц-ѣ ~ (wo) czernc-y, кон-ѣ ~ кон-и, сноуц-ѣ ~ супоуц-у; 2) форма Д. п. ед. ч. -ови у существительных с древней основой на *o, возникающая под влиянием склонения существительных с древней основой на *u, типа сын-ови, в ХрБ заменена нормативной формой -оу/-у: Васильк-ови ~ Wasilk-u.

В системе склонения имен прилагательных отмечены следующие замены: 1) церковнославянская форма Р. п. ед. ч. м. и ср. р. -аго замена в восточнославянской -ого/-оho: проклат-аго ~ proklat-oho, безаконнаго ~ bezakon-oho; 2) именная форма Д. п. ед. ч. м. р. 'Рижск-оу' заменена местоименной 'Ryżsk-omu'; 3) местоименная форма И. п. ед. ч. м. р. последовательно заменяется усеченной формой: мниск-ии (чинь) ~ mniszesk-i (czyn), велик-ии (князь) Литовск-ии ~ welik-i (kniaź) Litowsk-i.

Лексическая адаптация древнерусского текста направлена на устранение архаичных слов, как правило, церковнославянизмов, непонятных с точки зрения пишущего для читателей ВкЛ и замену их общеупотребительными синонимами. При этом лексическая адаптация часто предполагает морфологическую адаптацию, например: ИпЛ „Потом же Данило с г а д а с братом си“ [1962, с. 815] ~ ХрБ „Potom że Daniło z d u m a f z bratом swoim“ [1907, с. 482].

Глагол 'сгадати' ИпЛ автор ХрБ заменяет синонимичным глаголом 'здумати/zdumaty' Как показывают материалы картотеки „Гістарычнага слоўніка беларускай мовы“¹, лексема 'сгадати/згадати' в памятниках старобелорусской письменности в значении „здумать, решить“ употребляется преимущественно в сакральных текстах, а также при описании деяний высокопоставленных лиц (князей, королей, бояр). В оригинальной части ХрБ данный глагол не встречается. Синоним 'здумати/zdumaty' является стилистически нейтральным. Грамматическая форма аориста, не характерная для живой речи и уже не несущая дополнительного значения однократности действия, изменена на форму претерита. Поскольку изменение грамматической формы слова при его лексической адаптации характеризует все глагольные лексемы, ниже приводим их спл.ок; в дальнейшем при анализе отдельных, наиболее интересных, на наш взгляд, пар факт морфологической адаптации оговаривать не будем: оумоли ~ whodyl, поимаша ~ robrałi,

¹ При анализе адаптированной лексики использованы материалы картотеки „Гістарычнага слоўніка беларускай мовы“, находящейся в секторе Истории белорусского языка Института языкознания им. Я. Коласа АН БССР.

примеши ~ ozmesz, рекуи ~ mowit. 'Примеши-ozmesz / приемлетъ ~ roumet' — лексема 'прияті', старославянизм по происхождению, относится к высокому стилю письменной речи, в памятниках старобелорусской письменности употребляется в сакральных текстах. Данную лексему находим в летописном отрывке ХрБ при описании событий, связанных с крещением великих князей: „Po sem wnidie strach Bozyi w serce eho, pomyslil sobi chotia p r y i a t y swiatoie kreszczenie ... y po sem idet Woyszafk do Halicza k Danilowi, kniaziu Wasilkowi, chotiaczy p r y i a t y mniszeski czyn" [1907, с. 483]. Замена высокого 'прияті' разговорным вариантом 'озмешь/ozmesz' от стилистически нейтрального 'взяти/wziaty' стилистически оправдана, так как речь идет о заговоре князя Миндаугаса против Тевтивила (низкий поступок); ИпЛ „ащѣ оубьешѣ и женешѣ Тевтивила и ещѣ болша сѣ п р и и м в ш и" [1962, с. 817] ~ ХрБ „koli ubiesz abo izzenesz Tewtywifa, y ieszcze bolszy o z m e s z" [1907, с. 483].

'Оубѣдити ~ udagyty' — лексема 'оубѣдити', значение которой И. И. Срезневский определяет как „уговорить, убедить", в старобелорусских текстах употребляется в этом значении в сочетаниях типа: 'убедил рачью, словы/словесы'. В ИпЛ находим нетипичный для „русской мовы" контекст употребления этого слова: „... и оубѣди дарми многими сирѣ умоли аго"; „... и Вкынѣ же оубѣди я сребромъ и дарми многими" [1962, с. 816]. Автор ХрБ заменяет глагол 'оубѣдити' другим глаголом — 'ударити/udagyty', сочетаемость возможности которого соответствовали исходному контексту: „... y u d a g y ieho dary mnohimi, y tym jeho whodyl"; „...y Wyskint že u d a g y ieho srebrom i darmi mnohimi" [1907, с. 482]. Лексема 'ударити/udagyty' — это, очевидно, фонетический вариант от глагола 'одарити/odagyty', характерный для южных белорусских говоров.

Среди других частей речи наиболее интересны следующие замены: старославянские союзы 'аще' и 'егда', употребляющиеся прежде всего в сакральных текстах, в ХрБ заменены синонимом 'коли/coli'; древнерусское существительное 'слы' заменено синонимом 'послы/posty'.

Таковы наиболее интересные случаи лексической адаптации текста древнерусской летописи в ХрБ. Другие примеры, такие как: *ттоуду ~ odtudu*, тогда ~ *tohdy*, почати ~ *paczaty*, начати ~ *posczaty* и др., по нашему мнению, не представляют существенного интереса для характеристики особенностей языка летописного отрывка ХрБ и памятника в целом, так как они осуществляются в тексте хроники как равноправные варианты и не дифференцируются стилистически.

Лексика древнерусского текста, которую автор ХрБ переносит в свое произведение без каких-либо изменений, за редкими исключениями является общей для древнерусского языка и „русской мовы".

Анализ стиля летописного отрывка ХрБ позволяет выделить несколько общих признаков (опозиций) на основании которых автор ХрБ мог соотносить одни отрывки древнерусской летописи с высоким стилем письменной речи, характеризующийся сохранением архаичных

грамматических форм, синтаксических конструкций, отдельных лексем, другие — с нейтральным стилем.

Соотношение этих признаков и языкового поведения автора ХрБ по отношению к летописному тексту представлено в таблице:

№	Признак	Языковое поведение
1	Сакральный	Сохранение исходного текста
2	Светский	Адаптация текста летописи
3	Языческий	Перевод на „русскую мову“

Второй признак, охарактеризованный нами как „светский“, является переходным между крайними полюсами парадигмы, поэтому языковое оформление материала светского содержания представляет наибольший интерес, так как в данном случае текст древнерусской летописи адаптируется в прямом смысле слова. Степень адаптации отрывков ИпЛ различна. Это обстоятельство позволяет выделить несколько стилистических оппозиций внутри названного члена парадигмы: 1. „военный“— „мирный (не военный)“; 2. „конкретно-исторический“— „легендарный“.

Стилистическая оппозиция (1) воспринята книжниками ВКЛ из древнерусских письменных памятников; экспрессивно-стилистическая окраска описываемых событий зависела от исхода битвы. Отражение данной литературно-письменной традиции находим в ХрБ, где автор почти не адаптирует отрывки ИпЛ, повествующие о военных событиях, например:

ИпЛ
„Миндовъ же собралсѣ бѣ и оумысливъ же собѣ не битисѣ с ними полкомъ вниде в градъ именемъ Бороута и высла шурина своего ноць и розгнаша и Роуць и Ятвѣзѣ. Насуотрѣя же выѣхаша нѣмѣцѣ со самострѣлы и ѣхаша на нѣ Роуць с Половци и стрѣлами и Ятвѣзи со свѣлицами и гоуишасѣ на поли подобно игрѣ вѣтуда же вратишасѣ во Жемоить“ [1962, с. 818].

ХрБ
„Mindowh że sobrasia bi, y wmysliw że sebi, ne bitysia z nimi polkom no wynide wo hrad imenem Boruta i wysłał szurina swojeho ... y rozhnasza i Rusza y Jatwezi. Na utryie że wyiechasz na Nemcy so samostrety, y iechasz Rus s Polowcy y so strelami, y Jatwezi so sulicami, y honiszasia na poli podobno ihre, odtudu że wratyszasia w Zemoity“ [1907, с. 483].

Сравнение текстов обнаруживает, что в ХрБ изменен фонетический облик некоторых слов: собѣ ~ sebi, бѣ ~ bi (в ХрБ используется только эта форма во времена 3 л. ед. ч. от глагола 'быти/byty'), вѣтуда ~ odtudu. Наиболее яркий пример морфологической адаптации — замена формы

аориста формой претерита: *высла-wysfal*.

Описывая события мирной жизни, автор ХрБ относится к тексту ИпЛ более свободно.

„Баше же в него бѣ Воишелкъ
же дѣчи дщерь же вѣда за Шварна
за Даниловича до Холма и Вои-
шелкъ же нача княжити в Новѣ-
городѣ в поганьстве боуда и
нача проливати крови много
оубивашеть бо на всѣхъ днь по
три по четыри которого же дни
оубьяшеть кого печаловашеть
тогда коли же оубьяшеть кого
тогда весель бѣшеть“ [1962,
с. 858].

При описании конкретно-и.р.ических событий (оппозиция (2)) в тексте ХрБ находят фонетические, морфологические, лексические церковнославянизмы. Отрывки ИпЛ, рассказывающие о важных событиях исторической действительности, передаются в ХрБ с незначительными грамматическими изменениями, например:

„Литва же всѣ прияша и с радостю
своего господычича. В лето
ѣб. ѣ. Ов. Воишелкъ же нача кня-
жити во всеи земли Литовской и
поча враги свои избивати изби
ихъ безчисленое множество а дру-
зи розбѣгошасѣ камо кто видѣ“
[1962, с. 861].

„Biasze że w neho syn Woyszlek
że, y dszczy, dszczer ze odda
za Szwarna za Danilowicza do
Cholma, Woyszlek że zaczął knia-
żyty w Nowohorodcy w pohanstwe
budia, y zaczął proliwaty krwi,
inoho ubiwaszet bo na wsiak deń,
po try y po czotyry, ktorohoż
dni ne ubijet koho piczefowaszet
bo tohda, koho że ubijet kohda,
tohda wesel byst“ [1907, с. 483].

„Litwa że wsia pryiała z radostiu
welikoiu swoiehc hospody-
czyca. Woyszlek zaczą kniaży-
ty wo wsej zemli Litowskoy, i
pocza wrahi swoja izbiwaty, y
izbi ich bezczyslennoe množestwo,
a druhij rozbehoszasia kamo kto
widia“ [1907, с. 484].

Таким образом, анализ летописного отрывка ХрБ и соответствующей части ИпЛ позволяет говорить о том, что летописный отрывок ХрБ является стилистически маркированным по отношению ко всему тексту хроники Быховца.

GENERAL ADAPTABLE PRINCIPLES OF ANCIENT RUSSIAN CHRONICAL TEXT IN BYCHOVEC'S CHRONICLE

N. MOROZOVA

Summary

The article is devoted to the analysis of linguistic features of one of the most interesting Belorussian-Lithuanian chronicle by Bychovec. The main aim of the article is to explain the adaptable features of ancient Russian text in Bychovec chronicle. The analysis shows that all layers of the language have adapted: phonetical, morphological, lexical. The degree of adaptation in separate extracts of the ancient Russian text is not the same.

ЛИТЕРАТУРА

- 1907 — Полное собрание русских летописей. СПб., 1907. Т. XVII.
1962 — Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. Т. 11.
Уляшук, 1986 — Уляшук Н. Н. Введения в изучение белорусско-литовского летописания. М.: Наука, 1986.
1968 — Хроника Быховца. М.: Наука, 1968.
Ючас, 1973 — Ючас М. Н. Хроника Быховца // Летописи и хроники. 1973. М.: Наука, 1974.
1971 — Lietuvos metraštis. Vychova kronika. V.: Vaga, 1971.
Narbut, 1836 — Narbut T. Dzieje starożytnie narodu litewskiego. Wilno, 1836. Т. 11.
1830 — Nowogocznik litewski na rok 1831. Wilno, 1830.
1846 — Pomniki do dziejów litewskich. Wilno, 1846.

Вильнюсский школа-интернат
глухих

Декабрь, 1989